

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЯХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Материалы «круглого стола»

Н.В. Промыслов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Период двухсотлетних юбилеев различных событий, связанных с эпохой Наполеона, начался уже в начале 2000-х годов. За более чем десять лет в мире вышло множество монографий, справочников и тематических сборников, посвященных различным аспектам ее истории. Поскольку литературы издается чрезвычайно много, время от времени предпринимаются попытки обобщить достижения различных национальных научных школ, чтобы понять доминирующие тенденции и особенности наполеонистики разных стран. Так, в 2009 г. на ежегодно проходящем в США конгрессе «Революционная эпоха 1750-1850 гг.»¹ была организована специальная секция «Освободительные войны 1808–1815 гг.», на которой представители ряда национальных школ поведали аудитории о специфике изучения в их странах истории борьбы европейских народов против Наполеона. Сообщение А.В. Чудинова об истории изучения событий 1812 года в России вызвало оживленное и заинтересованное обсуждение, продемонстрировавшее, с одной стороны, большой интерес зарубежных ученых к диалогу с российскими специалистами и в то же время показавшее, сколь мало известны в мире российские работы. Такое положение сложилось прежде всего из-за языкового барьера, ибо большинство зарубежных наполеоноведов не знают русского языка, а российские специалисты практически не публикуются в ведущих иностранных изданиях по этой тематике.

Для России из всей череды событий эпохи Наполеона наиболее важным традиционно является его «русская кампания», известная у нас в стране как Отечественная война 1812 года. Зачастую она оттесняла на задний план изучение Наполеоновской эпохи как таковой. При этом сообщество

¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Международная конференция «Революционная эпоха 1750–1850 гг.», Саванна (США), 19–21 февраля 2009 г. // Вестник РГНФ. № 3 (56). С. 232–235.

историков войны 1812 года занимается преимущественно сюжетами, связанными с военной историей, и представляет собой довольно замкнутую и узкоспециализированную профессиональную корпорацию². Многие исследователи, посвятившие себя изучению противоборства двух императоров в 1812 году, практически не занимаются смежными темами.

Для того чтобы преодолеть подобный корпоративный «изоляционизм» и «сверить часы» накануне 200-летнего юбилея Отечественной войны, в апреле 2011 г. американский историк Э. Вовси и автор этих строк выступили с инициативой провести «круглый стол» по теме «Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии», который и состоялся в Российско-французском центре им. Марка Блока в РГГУ под председательством А.В. Чудинова³. В заседании приняло участие не только большинство ведущих московских исследователей войны 1812 года, но и ряд специалистов-франковедов, занимающихся смежными темами.

Удачный опыт той встречи вдохновил нас с В.Н. Земцовым на организацию «круглого стола» об особенностях изучения Наполеоновской эпохи в разных странах мира. Мероприятие состоялось в рамках большой международной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории», которую провели в июле 2012 года ИВИ РАН, РГГУ и Государственный Бородинский музей-заповедник. Это заседание оказалось одним из наиболее оживленных на конференции и вызвало жаркую дискуссию, наглядно подтвердившую плодотворность прямого диалога представителей разных научных школ. Материалы этого обсуждения и предлагаются далее вниманию читателей. Правда, состав авторов настоящей публикации слегка отличается от состава участников «круглого стола». К сожалению, Тьерри Ленц, директор Фонда Наполеона, ввиду большой занятости не смог представить для печати текст своего выступления. Однако – нет худа без добра! – это дало нам повод обратиться к авторитетнейшему французскому специалисту по истории наполеоновской армии Натали Петито с просьбой высказать свои соображения о состоянии современной французской историографии данной темы, на что она любезно согласилась.

Из-за недостатка места мы вынуждены отказаться от публикации дискуссии, последовавшей за выступлениями участников «круглого стола».

² О плюсах и минусах подобного положения вещей см.: Чудинов А.В. Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года: о книге В.М. Безотосного // Российская история. 2012. № 6.

³ См. публикацию материалов этого заседания: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола». // ФЕ 2011. М., 2011. С. 348–392.

Л.Л. Ивченко

**ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН**

Как говорится, «времена не выбирают»... Последние четверть века, предшествовавшие празднованию 200-летнего юбилея военной кампании, которую в России называют «Отечественной войной 1812 года», а за рубежом – «русской кампанией» Наполеона, совпали с общественно-политическими изменениями в России. Эпоха Перестройки повлияла, что естественно, и на проблематику исследований, и на научные концепции исследователей. В последние же годы в нашей научной среде, с легкой руки В.М. Безотосного, специалистов по теме Наполеоновских войн стали в России делить на «историков» и «историографов». Первые (к ним я условно причисляю А.И. Попова, В.Н. Земцова, самого В.М. Безотосного) склоняются к мысли, что, опираясь на знание источников, историк может находиться вне идеологии, защитившись от ее пагубного влияния «элементарным здравым смыслом». Названные мною специалисты делают акцент на изучении самих событий. Достаточно назвать работы В.М. Безотосного⁴, книгу А.И. Попова о Великой армии⁵, его же труды, посвященные Бородинской битве⁶, хроники отдельных сражений⁷. Нельзя не отметить особо монографии В.Н. Земцова⁸. Я не говорю о том, что в трудах названных мною авторов отсутствует методологическая «рефлексия», но меня с некоторых пор методологическая основа исследования стала интересовать больше, чем само исследование. Я отношу себя к числу «историографов», невзирая на то, что В.Н. Земцов в прошлом году полшутя-полусерьезно заметил: «Историография – это скучно...»⁹

⁴ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005; *Он же.* Наполеоновские войны. М., 2010; *Он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012.

⁵ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.

⁶ *Попов А.И.* Бородино. Северный фланг. М., 2008; *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино. Центр. М., 2010; *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино. Южный фланг. М., 2009; *Попов А.И., Васильев А.А.* Grande Armée. Состав армии при Бородине. Война 1812 года. Хроника событий. М., 2007.

⁷ *Попов А.И.* Первое Полоцкое сражение: (боевые действия на Западной Двине в июле – августе 1812). М., 2010; *Он же.* Львиное отступление. Война 1812 года. Хроника событий. М., 2008; *Он же.* Первое дело при Красном. М., 2008; *Он же.* «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011, и др.

⁸ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; *Он же.* 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010.

⁹ Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. С. 358.

Среди нас споры о методологических основах исследования – явление не частое: по-прежнему большим завоеванием считается преодоление идеологической составляющей, которая обозначается как «лжепатриотизм» и ставится в вину исключительно российским историкам. Исследователи подчас забывают, что они не возглашают истину в последней инстанции. Нельзя не удивиться самонадеянности авторов, когда один пытается «уточнить истинный масштаб личности Кутузова»¹⁰, а другой обещает «опровергнуть ложь, выявить истину»¹¹. Но историк изучает и наблюдает не само явление, а то, как оно отражено в различных источниках, поэтому главная задача специалиста установить «целеполагание», то есть выяснить, кем когда и при каких обстоятельствах был создан источник, после чего предложить свой, по возможности непротиворечивый и научно сбалансированный взгляд на историческое явление. Сведения о каждом отдельно созданном источнике нелишним было бы вписать в данные исследований «культурных инвариантов» – образцов сознания и поведения воинов русской и наполеоновской армий, которые также нуждаются в тщательном научном анализе и осмыслении. Приведу пример: каждый, кто изучает эпоху Наполеоновских войн, сталкивается с тем, что русские участники событий менее плодovitы в мемуарном наследии, чем французы. Более того, их воспоминания почти не содержат тех выразительных и ярких деталей, которые присущи рассказам ветеранов Великой армии. Можно, конечно, привычно списать это явление на невежество, а можно обратить внимание на обстоятельства, подчас не принимаемые в расчет.

Публикация иностранных источников без научных комментариев привела нас к тому, что мы стали смотреть на события глазами ветеранов Великой армии, у которых не всегда были «красные дни». Русские мемуаристы сознавали себя победителями, их репутация в то время была бесспорна (им и в голову не приходило, что потомки усомнятся в них настолько, что займутся поиском уважительных причин для нашествия Наполеона на Россию), чего не скажешь об их противниках, «борцах противоположного лагеря». На счету у наполеоновских ветеранов – проигранные кампании в России, Центральной Европе и Пиренеях 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Союзные армии Европы дважды вступали в Париж в 1814 и 1815 гг. Как сообщал лорд Каслри: «Теперь во Франции союзных войск не менее 900 000, содержание которых стоит стране 112 000 фунтов стерлингов»¹². Большая часть населения Франции знала о победах

¹⁰ Троцкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 4.

¹¹ Лопатников В.А. Канцлер Румянцев: время и служение. М., 2010. С. 9.

¹² Цит по: Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 414–415.

Наполеона из газет и бюллетеней, а грандиозное по масштабу военное поражение видела своими глазами и ощущала на себе. Ветеранам Великой армии и самому Наполеону оставалось в этой ситуации лишь взяться за перо в надежде на будущее, как это сделал граф Ф. де Сегюр: «Товарищи, я обращаюсь к вам! Не дайте исчезнуть этим великим воспоминаниям, купленным такой дорогой ценой, представляющим единственное достояние, которое прошлое оставило нам для нашего будущего. <...> Вы пали с большею славой, чем они возвысились. <...> Диктуйте же истории свои воспоминания. Уединение и безмолвие, сопровождающие несчастье, благоприятствуют работе»¹³. В доказательство того, что ветераны Наполеона выполняли идеологический заказ, приведу строки из текста завещания императора, продиктованного на острове Святой Елены: «...Полковнику Марбо, сто тысяч франков. Я возлагаю на него обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников»¹⁴. Путеводной звездой их воображению служили «Мемуары» самого Наполеона, по поводу которых его падчерица королева Гортензия заметила, что узник острова Св. Елены «с изощренным кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу»¹⁵. Замечу, что у нас в России мемуары Марбо и «Мемориал Святой Елены» были изданы без всяких научных комментариев.

Издержки идеологии, «мифологизация сознания», давление общественных пристрастий на науку благополучно существуют и в наши дни. «Очевидна идеологическая составляющая исторической памяти – и не только в привычном людям моего и более старших поколений советском тоталитарном варианте <...> Идеология, идея присутствует в исторической памяти всегда», – отмечает современный исследователь¹⁶. В целом же нельзя не согласиться с британским историком Д. Ливеном: «Основные французские первичные источники по войнам, конечно, представляют взгляд “со своей колокольни”. <...> Агрессивное самовосхваление процветало как в армии Наполеона, так и в армиях его противников»¹⁷. Нельзя не признать основательности и других суждений специалиста «со стороны», автора замечательной моногра-

¹³ *Сегюр Ф.* Поход в Россию: мемуары адъютанта. М., 2002. С. 15.

¹⁴ *Наполеон Бонапарт.* Искусство войны: императорские максимы. М., 2009. С. 346.

¹⁵ Цит. по: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 9.

¹⁶ *Румянцева М.Ф.* Историческая память и музейная экспозиция в ситуации постмодерна // XVIII век в истории России. Труды ГИМ. М., 2005. С. 10.

¹⁷ *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. 6. Труды ГИМ. М., 2007. С. 309.

фии «Россия против Наполеона»¹⁸. Д. Ливен отмечает, что в настоящее время «нарушена сбалансированность взгляда российских историков и их коллег за рубежом на проблему поражения Наполеона». В числе недостатков российской историографии им названы «колоссальный разрыв уровня знаний о 1812 г. и 1813–1814 гг.»; приверженность «национальным сюжетам», препятствующая реально оценить вклад России в поражение Наполеона; «зацикленность» исключительно на русско-французских отношениях в период Наполеоновских войн; традиционная сосредоточенность отечественных специалистов на военных операциях в отрыве от внимательного изучения дипломатических отношений. В силу вышеназванных аспектов сложилось «искаженное понимание русской стратегии», в том числе и взглядов на «скифский план» и т.д. Наконец, открытым остается вопрос, действительно ли изжил себя потенциал «старорежимных» армий Европы на фоне «прогрессивной» армии Наполеона? Бесспорно, взгляды Д. Ливена уже оказывают влияние и на российскую историографию: в качестве примера можно привести работы В.М. Безотосного.

В российской историографии существует целый ряд устойчивых давно сформированных мифов. Наиболее яркий пример современности – укоренившееся в российском обществе (не без участия историков-профессионалов) безотчетное (и запоздалое по западным меркам) преклонение перед всеобъемлющим гением Наполеона, сформировавшееся под воздействием мифа о якобы существовавшем в советское время запрете на положительные оценки фигуры Наполеона. На самом деле такой запрет едва ли когда-то существовал. Академик Е.В. Тарле воспринимал свой труд над книгой о Наполеоне как правительственный заказ на создание «идеального типа обобщающей модели единоличного правителя». «Отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел огромное, вполне положительное, прогрессивное (какое обилие эпитетов! – А.Г.) значение было бы нелепой ложью, недостойной сколько-нибудь серьезного ученого». Историк находил для оценки военных талантов Наполеона феноменальные определения. Ссылаясь на представления современников («и друзей и врагов»), Тарле называет его «неподражаемым мастером и художником в деле войны, гениальнейшим из всех когда-либо существовавших до того времени великих полководцев, виртуозов военной стратегии и тактики»¹⁹.

¹⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1914. М., 2012.

¹⁹ Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона // ФЕ 2006. М., 2006. С. 52–54.

В 2008 году в России вышла книга отставного французского генерала М. Франчески и американского миллионера Б. Вейдера «Наполеон под прицелом старых монархий». Спустя почти 20 лет после распада СССР довольно странно услышать из-за рубежа следующий упрек: «Можно попросту разминуться с историей, если пренебречь тем важнейшим фактом, что Наполеон выступал как наследник Французской революции 1789 года, вызвавшей беспрецедентное социальное и идеологическое потрясение»²⁰. Может быть, на Западе по каким-либо причинам об этом забыли, но в нашей историографии связь между Наполеоном и Французской революцией являлась краеугольным камнем. В своей до сих пор крайне популярной биографии императора французов А.З. Манфред писал: «Мир лейтенанта Бонапарте – это был мир Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Руссо, Рейналя, Мабли, Вольнея, мир свободолюбивой мятежной литературы XVIII века. Могло ли быть иначе?»²¹ В современном обществе уже непонятно другое: как относиться к революционным переворотам? Как относиться к преобразованиям, навязываемым извне силой оружия в интересах прогресса? Что считать прогрессом? В советское время классовый подход к истории облегчал ответ на многие вопросы. «Наполеон Бонапарт выступает у Манфреда убежденным сторонником союза с Россией, а сформулированный первым консулом в январе 1801 г. вывод “Франция может иметь союзницей только Россию” продуманным и обоснованным. Историк придает этому выводу, можно сказать, непреходящее значение. Если сама идея союза с Россией трактуется “новым словом, внесенным Наполеоном в историю французской внешней политики”, то неоднократно повторяемый на страницах книги вывод выглядит своего рода политическим завещанием императора»²².

Тема союза России с Наполеоном как нереализованная возможность актуальна до сих пор, что доказывает вышедшая совсем недавно монография петербургского исследователя О.В. Соколова²³, в которой автор называет единственной причиной вражды между Александром I и Наполеоном зависть российского монарха к великому полководцу и государственному деятелю. О.В. Соколов, также как и А.Н. Боханов в монографии о Павле I²⁴ видит в этом союзе неисчислимые выгоды и альтернативу российско-британским торговым отношениям. Оба автора согласны в том, что торговля с британцами была выгодна только русским помещи-

²⁰ Франчески М., Вейдер Б. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008. С. 5.

²¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 38.

²² Гордон А.В. Указ. соч. С. 64–65.

²³ Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. М., 2012.

²⁴ Боханов А.Н. Павел I. М., 2010.

кам, которые пренебрегали интересами простого народа. Но как явствует из монографии В.М. Безотосного, в начале XIX столетия простой народ еще не созрел для того, чтобы самостоятельно сформулировать свои экономические и политические интересы. Что касается русских помещиков, для того, чтобы приобрести что-либо во Франции, им нужно было реализовать свои «провенансы» в Великобританию, активный баланс торговли с которой обеспечивал их «звонкой монетой». Именно на эти деньги и приобретались французские товары, а это были в основном предметы роскоши, которыми простой народ в те годы интересовался мало.

Попутно отмечу: взаимоотношения с «туманным Альбионом» в настоящее время очень актуальная тема исследования, традиционно выпадавшая из поля зрения российских историков. В российской историографии укоренился миф о том, что Великобритания ограничивала свое участие в войнах денежными субсидиями. Морская война и война на Пиренеях, которую вели наши союзники, не учитывалась как фактор, серьезно повлиявший на исход «русской кампании». Великобританию как союзника традиционно недооценивали в России, что еще раз подчеркивает справедливость тезиса Д. Ливена о «зацикленности» российских историков на русско-французских отношениях в период Наполеоновских войн. Впрочем, в настоящее время этот пробел в российской историографии стал заполняться. Монография А.А. Орлова наглядно продемонстрировала перспективы исследовательской работы²⁵. Не могу не отметить интересные статьи В.Г. Ляпишева о судьбах британских моряков, служивших на российском флоте²⁶.

На наш взгляд, ошибкой было то, что профессиональные историки сознательно избегали контактов с историками-непрофессионалами. Мы явно недооценили потенциал социологов, политологов, обозревателей СМИ – одним словом, всех тех, кто сейчас формирует представления об эпохе 1812 года и полагает, что их «свежий взгляд» на наше прошлое позволит установить истину. Мы проглядели ту черту, когда количество недостоверной, но политически ангажированной информации перешло в качество. Вероятно, в этом заключается своеобразие современной познавательной ситуации, которую можно характеризовать словами британского писателя Г. Честертона: «Современная интеллигенция не примет ничего, что основывается на авторитетном суждении, но она принимает на веру все, что лишено авторитета».

²⁵ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М., 2005.

²⁶ Ляпишев Г.В. Всех флагманов – в Лефортово: Две ссылки английских моряков // Родина. 2003. № 5–6. С. 71–73. *Он же*. Служба офицеров-англичан в русском флоте в 1812–1814 гг. // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 100–114.

В настоящее время историки-любители и СМИ активно «терзают» память М.И. Кутузова. Накануне празднования 200-летия появилось немало литературы, критически отражающей как полководческую деятельность, так и личностные черты генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Отправной точкой негативного отношения к полководцу на современном этапе нашей историографии, бесспорно, явилась монография Н.А. Троицкого, методологическая основа которой может быть определена как «демифологизация истории»²⁷. Почему столько веры на слово автору монографии о М.И. Кутузове, профессору Н.А. Троицкому, который большую часть жизни изучал проблемы народников? Для монографии характерно «подверствывание» источников под концепцию автора о ленивом и бездарном царедворце, которая без труда опровергается колоссальным массивом источников (причем синхронных, а не диахронных), оказавшихся вне поля зрения автора.

Для российской историографии характерно наличие жесткой «антитезы Кутузов – Барклай де Толли». Подобный историографический нюанс можно сравнить с «зависшим» компьютером. История эта очень старая. Случилось так, что в основу российской историографии войны 1812 года было положено противостояние двух версий событий, отражавших личное соперничество двух военачальников – главнокомандующего всеми российскими армиями в 1812 году светлейшего князя М.И. Кутузова и его подчиненного, главнокомандующего 1-й Западной армией, генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли. Первой возникла «антикутузовская версия», созданная Барклаем де Толли, болезненно пережившим свое отстранение от командования армиями: он изложил ее в «Оправдательных письмах» императору Александру I в конце 1812 года. В ответ на эту версию К.Ф. Толь, ученик М.И. Кутузова, предложил собственное видение событий, отразившееся в трудах Д.П. Бутурлина и А.И. Михайловского-Данилевского. С годами личностное противостояние как «целлеполагание» при создании источников было забыто специалистами, но остался вечный спор: кто лучше – Кутузов или Барклай де Толли? Н.А. Троицкий, а за ним историки-любители и СМИ охотно поддержали версию о том, что доброе имя М.И. Кутузова – это издержки сталинской идеологии. Но почему те же люди избегают указывать на идеологическую связь Сталина с «наполеоновской» темой, которая в нашей историографии безусловно тоже приняла характер «режимности»?

Для многих историков характерна излишняя доверчивость к такому источнику, как «Оправдательные письма» Барклая де Толли. В свое

²⁷ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2003.

время они произвели сильное впечатление на А.С. Пушкина, но историк должен помнить, что научный комментарий к этому циклу источников все еще отсутствует, и мы, как и великий поэт, воспринимаем эти письма сердцем, а не умом. В последнее время версия о Барклае как альтернативе Кутузову укоренилась в нашей историографии. Некоторые историки, руководствуясь современными представлениями, успокаивают себя мифом, что причина отстранения М.Б. Барклая де Толли – в его иностранной фамилии. Однако в битве при Бородине из четырех корпусов регулярной кавалерии лишь одним командовал генерал с русской фамилией – Уваров, фамилии остальных военачальников – Корф, Крейц, Сиверс. Главнокомандующий 2-й армии князь Багратион тоже носил не русскую фамилию, но кто интересовался тогда его национальностью? Начальником Главного штаба князя Багратиона был граф Эммануэль де Сен-При. В случае, если с князем что-либо случилось бы, по «Учреждению о Большой действующей армии» должность командующего принял бы француз. Кого это тогда смущало? Офицер Н.Н. Муравьев вспоминал, что после отступления от Вязьмы «солдаты взбунтовались и громогласно требовали назначения генерала Беннигсена», то есть ганноверца, не имевшего российского подданства. Иностранная фамилия в русской армии 1812 года – обыденное явление, которое никого не удивляло. Вспомним памятники на Бородинском поле – дивизии принца Вюртембергского, дивизии принца Мекленбургского, артиллерийским ротам Таубе, Ралля и др. Национальная нетерпимость к Барклаю де Толли как повод для отстранения от командования – это миф, который не объясняет, почему немец К. Клаузевиц назвал Барклая «умственно ограниченным»?

Историку же остается констатировать факт: каждый, кто интересуется историей Отечественной войны 1812 года, должен признать, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далеких событиях – рассказа о них самого М.И. Кутузова. Принимая во внимание сухой слог «Оправданий» М.Б. Барклая де Толли и «Писем» Л.Л. Беннигсена, главных оппонентов Кутузова и создателей крепкой «антикутузовской версии», вряд ли можно сомневаться, чей рассказ получил бы в глазах потомков статус источника № 1. Таким образом, отсутствие источника, содержащего необходимую информацию, – это не менее существенный факт, чем его наличие.

С нашей точки зрения сотрудничество между историками разных стран необходимо. Оно расширяет наши представления, знания о той эпохе, позволяет избавиться от предубеждений, понять и услышать

друг друга. Работы Дэвида Чандлера, Доминика Ливена, Чарльза Исдейла, Жана Тюлара, Мари-Пьер Рей и других зарубежных исследователей, безусловно, позволят нам под другим углом взглянуть на многие проблемы, убедиться в том, что те не сводятся к одному-единственному значению.

*Н. Петито*²⁸

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Для того чтобы сделать обзор всего, что было опубликовано на французском языке по истории Наполеоновских войн, приходится рассматривать обширную и очень разнородную историографию. Работы по событийной истории о перипетиях сражений выходили с начала XIX в. в большом количестве, и сейчас мы не будем обобщать достижения в этой области. Ранее мне уже доводилось говорить о том, что история, описывающая день за днем боевые действия армии Наполеона, заполонила все поле историографии 1799–1815 гг., сделав его, в конце концов, совершенно бесплодным²⁹. Сегодня очарование, присущее описанию хода сражений или особенностей униформы, по-прежнему приносит успех на книжном рынке³⁰. Мне же, наоборот, представляется интересным рассмотреть те новации, которые произошли в историографии под влиянием исторической антропологии войны применительно к изучению этого первого конфликта мирового масштаба³¹.

До начала 2000-х гг. история Наполеоновских войн оставалась в стороне от новых исторических подходов, которыми пользовались многие исследователи, воплощавшие на практике рекомендации Марка Блока и Люсьена Февра. И это при том, еще в 1904 г. вышла очень подробная книга Жана Морвана о солдатах империи³², которая в большой степени

²⁸ Натали Петито, профессор университета Авиньона (Франция).

²⁹ *Petiteau N.* Napoléon, de la mythologie à l'histoire, P., 1999.

³⁰ *Pigeard A.* Vincent Bourgeot, *Encyclopédie des uniformes napoléoniens, 1800–1815.* Entremont, 2003; *Pigeard A.* Dictionnaire des batailles de Napoléon. P., 2004; *Pigeard A.* Les campagnes napoléoniennes. Entremont, 1998. 2 vols.

³¹ Дискуссия была инициирована работами Жана Жака Беккера и Жюля Морана, продолжена Стефаном Одуан-Рузо, Аннет Беккер, Реми Казал и Фредриком Руссо. Здесь я называю только наиболее известные работы по теме, наиболее полный их обзор см.: *Prost A., Winter J.* Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. P., 2004.

³² *Morvan J.* Le soldat impérial (1800–1814). P., 1999 (1-е издание 1904 г.).

послужила основой для небольшой работы Марселя Бальде о повседневной жизни армии Наполеона³³. В 1993 г. Алан Пижар опубликовал огромный труд (сокращенный вариант вышел в 2000 г.), где исследовал разные рода войск в армии Наполеона. Отдельные главы его работы посвящены маршам, битвам, униформе, системе питания и даже присутствию женщин под знаменами французской армии³⁴. В 1998 г. Жан-Клод Даммам, также отталкиваясь от книги Ж. Морвана, выпустил замечательную работу о солдатах Великой армии, где тоже описывал реалии повседневной жизни солдат как на маршах, так и во время битв³⁵. В общем, к концу XX в. институциональные и материальные аспекты жизни армии были хорошо изучены. Одновременно во многих работах было описано отношение населения к призыву на военную службу³⁶. Благодаря всем этим исследованиям историография смогла существенно продвинуться вперед.

Тогда же, когда Алан Форрест закончил свой труд о солдатах Наполеона³⁷, автор этих строк завершила работу над книгой «Назавтра после Первой империи». Чтобы понять судьбу солдат после 1815 г., необходимо было исследовать их бытие во время службы в армии. Перечисленной выше историографии оказалось недостаточно. Требовалось также понять, что люди чувствовали и как жили в дни мира и в военное время, после сражений и вернувшись в родные края³⁸. История войн Империи стала, таким образом, составной частью исторической антропологии войны³⁹.

После издания этой книги автору пришлось вступить в дискуссию о понятии тотальной войны, отчасти ставшую продолжением споров между историками Первой мировой войны. В 2004 г. Ж.И. Гийемар заявил: войны эпохи Революции и Империи в отношении того, что касалось систематической мобилизации людей и ресурсов и апелляции к националистическим идеям, предварили конфликты периода тоталитаризма⁴⁰. На это специалисты по истории Революционных и Наполеоновских войн могут ответить, что таковые скорее надо рассматривать в контексте

³³ *Baldet M.* La vie quotidienne dans les armées de Napoléon, P., 1964.

³⁴ *Pigeard A.* L'armée napoléonienne, 1804–1815. Curandera, 1993 ; *Idem.* L'armée de Napoléon, 1800–1815. Organisation et vie quotidienne. P., 2000.

³⁵ *Damamme J.-Cl.* Les soldats de la Grande armée. P., 1998.

³⁶ См. обобщение всех этих работ: *Crépin A.* Histoire de la conscription. P., 2009.

³⁷ *Forrest A.* Napoleon's men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L., N.Y., 2002.

³⁸ *Petiteau N.* Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P., 2003.

³⁹ *Petiteau N.* Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle, n^o spécial de la Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 30. P. 45–63.

⁴⁰ *Guiomar J.Y.* L'invention de la guerre totale. P., 2004.

описанной Гибером «системы войны периода модерна», в которой тем ни менее уже видны некоторые черты тотальных конфликтов будущего. Впрочем, риторика национальной ненависти существовала еще в XVII в. и как таковая не претерпела большого изменения в период между правлением Людовика XIV и серединой XIX столетия⁴¹.

Историография эпохи Революционных и Наполеоновских войн обогатилась и множеством других интересных работ: этому периоду в 2007 г. был посвящен специальный номер *Annales historiques de la Révolution française*⁴². В том же году Матье Бреве защитил диссертацию по колониальным экспедициям⁴³. В Лилле в 2009 г. Жан-Франсуа Шане организовал коллоквиум о военной оккупации⁴⁴. В июне 2010 г. состоялся коллоквиум в Каркасоне, где в свете критического поворота, осуществленного указанными книгами А. Форреста и Н. Петито, рассматривалась история европейцев периода Наполеоновских войн⁴⁵. Необходимо также упомянуть о недавно защищенных диссертациях, прежде всего Стефании Кальве об офицерах из департамента Шаранта⁴⁶ и Николае Каде о войне в Калабрии⁴⁷.

Представляется, что призванные на военную службу граждане оказывались вовлечены в войну, если и не тотальную в полном смысле слова, то, по крайней мере, принадлежавшую к новому типу конфликтов. Дипломатические и политические цели и задачи уже не походили на те, что решались при Старом порядке. Ж.Ф. Сена и Т. Хиплер даже в названиях своих работ подчеркивают, что эти войны породили другую ментальность во французской армии, рожденной Революцией. Поскольку солдаты привыкли бороться за определенные идеалы, отношение к дисциплине стало более свободным, образ жизни военных был меньше связан с постоянным насилием, манера ведения войны поэтому также изменилась⁴⁸. Другое новшество этих войн состояло в том, что артиллерия от-

⁴¹ См. рецензию Бернара Гено на книгу Жана Ива Гиомара: AHRF. 2006. № 1 (343) janvier-mars. P. 239–241.

⁴² ANRF. 2007. N° 2 (348) avril-juin: Guerre(s), société(s), mémoire(s).

⁴³ Brevet M. Les expéditions coloniales vers Saint-Domingue et les Antilles (1802–1810). Thèse doctorat. Université Lyon II, 2007.

⁴⁴ Neutralités et accommodements. Histoire comparée des arrangements face à la guerre et à l'occupation en Europe (1792–1870) (в печати).

⁴⁵ Les Européens dans les guerres napoléoniennes. Toulouse, 2012.

⁴⁶ Calvet S. Destins de braves. Les officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle, P., 2010.

⁴⁷ Cadet N. « Un paradis habité par des diables ». La guerre de Calabre de 1806–1807. Expérience combattante et violence de guerre sous le Premier Empire. Thèse doctorat. E.H.E.S.S., 2008.

⁴⁸ Cénat J.Ph. « De la guerre de siège à la guerre de mouvement : une révolution logistique à l'époque de la Révolution et de l'Empire ? » // AHRF. 2007. № 2. P. 101–115 ; Hippler T. Les soldats allemands dans l'armée napoléonienne d'après leurs autobiographies: micro-

ныне играла небывалую роль, а уровень ожесточения в бою оказался высок как никогда. Например, Н. Каде подробно проанализировал процессы насилия, которые были характерны для войны в Калабрии⁴⁹. Д. Смит продемонстрировал все ужасы существования французских пленных на острове Кабрера⁵⁰. И наконец, нельзя забывать, насколько эти войны отражались на жизни гражданского населения, как это хорошо показал Ж. Антрэ⁵¹: постоянные реквизиции, грабежи и разрушения, связанные с вторжениями, поставили после 1814 г. сложную задачу восстановления территорий, затронутых конфликтами⁵².

В самое последнее время по случаю юбилея «русской кампании» 1812 года вышло несколько работ, показавших, что от подобных новых подходов к написанию истории войн империи уже нельзя отказаться. М.П. Рей и Ж.О. Будон еще раз продемонстрировали напряженность, жестокость и уникальность войны 1812 года. Они пролили свет на ряд мало известных аспектов кампании, таких как просчеты Наполеона, твердая позиция русского командования и, особенно, судьбы и решения отдельных людей. Их работы позволяют понять, как Франция, обладая весной 1812 года, накануне кампании, ни с чем не сравнимой мощью, оказалась шесть месяцев спустя без армии и в полной международной изоляции. Они наглядно показывают также, что голод и лишения, в гораздо большей степени, чем холод, заставляли страдать людей еще по пути на Москву, когда уже проявились тяжелые проблемы со снабжением армии продовольствием. А начиная с середины ноября, после того как отступающая армия покинула Смоленск, она уже выглядела толпой призраков, мало похожих на людей, облаченных в лохмотья, ведомых нуждой и порой превращающихся в настоящих варваров. И наконец, эти авторы обращают внимание читателей на то, что в самой России вторжение способствовало осознанию русскими собственной идентичности и открыло для них новую эру – эру патриотизма и национализма⁵³.

В завершение нужно отметить, что новые работы о войнах Империи наглядно показали, сколь плодотворным может быть изучение истории

républicanisme et décivilisation » // Ibid. P. 117–130.

⁴⁹ *Cadet N.* Violences de guerre et transmission de la mémoire des conflits à travers l'exemple de la campagne de Calabre de 1806–1807 // Ibid. P. 147–163.

⁵⁰ *Smith D.* Les soldats oubliés de Napoléon, 1809–1814. P., 2005.

⁵¹ *Hantraye J.* Les cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P., 2005.

⁵² *Hantraye J.* Rebâtir après les défaites napoléoniennes: les enjeux de la reconstruction immobilière dans la France du Nord et de l'Est (1814–1860) // *AHRF*. 2007. № 2. P. 185–198.

⁵³ *Rey M.P.* L'Effroyable Tragédie: une nouvelle histoire de la Campagne de Russie, P., 2012; *Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de Russie (1812). P., 2012.

людей на войне. Оно расширяет наши представления и о политической истории, как, например, при изучении различных вариантов действий населения при введении новых правил воинской повинности или его враждебного отношения к имперской администрации, особенно в Германии. Такая история дает возможность изучить функционирование деревенских обществ при уходе в армию их членов, значение армейского братства и т.д. Кроме того, она позволяет понять способы взаимоотношений между представителями разных стран и культур. Такой метод историописания дает возможность по-настоящему понять чувства и эмоции людей. Изучение поведения людей на войне Наполеоновской эпохи дает возможность понять пределы возможностей людей и лошадей в условиях чрезвычайного холода – во время отступления из России – или при сильной жаре, как в Калабрии или в Испании. И наконец, это позволяет анализировать некоторые процессы формирования личности, поскольку подобный опыт пребывания на войне часто переживался в весьма юном возрасте. Политическую и социальную жизнь Европы начала XIX в. творили люди, участвовавшие в Наполеоновских войнах и хорошо знавшие, что это такое. Весь XIX в. несет на себе отпечаток этих конфликтов, история которых заслуживает современных подходов к ее изучению.

А. Форрест

БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Вклад британской историографии в изучение наполеоновской империи и, более конкретно, Наполеоновских войн за последние двадцать – двадцать пять лет довольно трудно оценить, поскольку она не может рассматриваться сама по себе, а, скорее, является частью более общей англоязычной дискуссии на тему Первой империи. Например, трудно было бы обсуждать работы британских историков этого периода как совершенно самостоятельный феномен. Возьмем, к примеру, Австралию, чьи ученые, как и в случае с историографией Французской революции, внесли важный вклад, который теперь является неотъемлемой частью британской научной, образовательной и издательской традиции. Приведем лишь три примера: биограф Наполеона Филипп Двайер, историк во-

енных кампаний Наполеона Рори Мьюр и специалист в истории управления, преступности и контрабанды Гевин Дейли – австралийцы, но они публикуются в Лондоне и работают в более широком англоязычном научном поле, а потому довольно трудно провести четкую грань между ними и собственно британскими историографами того периода. Кроме того, американский и британский подходы к наполеоновскому периоду необязательно автономны, особенно с учетом активной академической миграции, как правило, направленной в Соединенные Штаты. Дэвид Армитэдж (David Armitage), например, так много сделавший для включения наполеоновских кампаний в контекст глобальной истории, рассматривает войны в Европе как часть более общего мирового конфликта, захватывающего также Карибы и включающего в себя англо-американскую войну 1812 г., работает ныне профессором в Гарварде, хотя родился и учился в Англии. Англоязычное научное сообщество всегда было мобильным, а учитывая растущую глобализацию мировой экономики, вполне вероятно, что миграция такого рода будет только нарастать. Поэтому становится все труднее говорить о специфическом национальном вкладе в историографию этого периода.

Неизбежно и то, что некоторые из тенденций, о которых я сейчас скажу, не являются чем-то присущим только британской историографии или даже всем англоязычным работам, но являются скорее симптомами изменения содержания исторической дисциплины как таковой. Вопросы, которые мы задаем наполеоновской эпохе, не обязательно связаны только с ней, но отражают более общие тенденции в новейшей историографии: рост популярности истории культуры, гендерной истории, компаративной и появившейся недавно транснациональной истории, которая не может не иметь влияния на подход к изучению Наполеоновских войн. Я не уверен, что в XXI в. есть особый британский взгляд на все эти вопросы. Поэтому не следует удивляться, если некоторые из тех тенденций, которые мы наблюдаем в контексте одной страны, найдут отражение в различных историографических традициях в самых разных частях мира. Французская революция, так же как и Империя, представляют собой глобальные явления, и их историю нет смысла ограничивать изучением только Франции.

Принимая во внимание вышесказанное, возможно, тем не менее, предложить ряд тем и тенденций, в которые британские историки внесли значительный вклад за последние годы.

Характер правления Наполеона

Начиная с середины 90-х годов XX века наблюдался постепенный перенос внимания исследователей с господствующей над всем личности Наполеона на изучение политической системы Империи, на мир судей и чиновников, маршалов и офицеров снабжения. Все чаще звучал аргумент о необходимости изучения не одного человека и его мировидения, хотя оно, конечно, очень значимо, но всей системы правления, функционирование которой зависело от сбора налогов и призыва новобранцев, то есть системы, для которой война, возможно, была жизненно необходима. Возможно ли, в самом деле, было представить себе империю, которая не ведет все новые и новые войны? Классическая работа Стюарта Вульфа «Наполеоновская интеграция Европы» (*Napoleon's Integration of Europe*) была одной из первых, посвященных некоторым из таких проблем. В дальнейшем этот автор имел немало последователей. И до сего дня за пределами Франции есть много историков, которых привлекает изучение Империи и французского опыта в целом. И хотя историки до сих пор пишут биографии Наполеона, спрос на которые по-прежнему высок на рынке популярной литературы, всё больше крепнет понимание того, что биография политического лидера – это не только история его личной жизни, но осмысление его политической деятельности и анализ режима его правления. Наполеон как символ политической системы более значим, чем Наполеон как человек, сколь бы яркой ни была его карьера.

Интернациональная империя

Новейшая английская и англоязычная историография сосредоточилась на изучении империи Наполеона за пределами Франции – там, где особенности режима и степень его поддержки местным населением зачастую более очевидны, чем в метрополии. И здесь британские историки, никоим образом не претендуя на уникальность в данном отношении, внесли весьма ощутимый вклад в изучение системы власти Наполеона в разных частях Европы. Джон Дэвис, например, исследовал особенности правления Наполеона в Неаполе, Майкл Роу – в Рейнской области, Майкл Броерс – в Пьемонте. Они проанализировали роль коллаборационистов в установлении французского правления на оккупированных территориях, функции армии и гражданских властей, а также различия между странами, близкими к Франции, с устоявшимися административными и судебными структурами, и теми, как правило, далеко от нее рас-

положенными, где необходимо было установить французскую систему правления. Майкл Броерс предложил ключевое различие между «внутренней» и «внешней» империями, а также предположил, что отношения с оккупированными территориями в Южной Европе (Италии, Далмации, Иллирийских провинциях) часто можно было сравнить с колониальной культурой в Индии или других областях Британской империи. Тем самым он демонстрирует готовность использовать в своих работах теорию империи, что идет вразрез с традиционной склонностью англичан к позитивизму и эмпиризму.

Военное искусство и тактика боя

В рамках дискуссии об обновлении тактики боя и военного искусства в целом Роджер Чикеринг и Стив Форстер недавно подвергли сомнению новизну таковых в эпоху Революции. Они считают гораздо более очевидными революционные перемены в политической сфере, в области тылового обеспечения и организационной структуры армии (массовый призыв, введение корпусной системы и т.д.), но не в военной технике и вооружении.

Проведенные британскими историками детальные исследования французской армии – речь идет, в частности, о работах Рори Мюира по тактике и стратегии и Мартина Бойкот-Брауна по ранним кампаниям Наполеона в Италии? – позволяют увидеть Наполеоновские войны в более широком контексте, нежели только с точки зрения англичан или их союзников. Чарльз Исдейл провел подробное исследование войны на Пиренейском полуострове, дав новое понимание тактики испанской герильи. Многочисленные исследования военных действий в этот период, проведенные Джереми Блэком, позволяют рассматривать эволюцию военного дела и стратегии в Европе в международном масштабе. Наблюдается также существенное обновление наших взглядов на британскую армию периода правления Наполеона, в частности, благодаря работам историков нового поколения, таких как Кевин Линч и Мэтью МакКормак, которые дали нам возможность по-новому взглянуть на образ британского солдата и его судьбу в армиях Веллингтона. Клаус Тэлл проанализировал использование Наполеоном корпусной системы на техническом уровне и показал рождение в войнах того периода современной концепции военных операций. Вновь интерес вызывают герилья и *малая война*, также как *мятежи* и проявления жестокости, которые часто имели место в наполеоновское правление.

Майкл Даффи – один из тех, кто написал историю развития военноморского искусства в эти годы.

Пропаганда и репрезентация войны

Историки уделяют большое внимание представлениям о войне и использованию пропаганды в ходе войны, а также более широкому вопросу создания национальных мифологий, возникших в период Наполеоновских войн. Значение войны для становления культа Наполеона и создание мифа о Наполеоне – предмет исследования в ряде работ Судхира Хазаресингха, особенно в «Легенде о Наполеоне».

Изучение истории искусства и покровительства людям искусства того времени показывает роль художников в создании наполеоновской мифологии, демонстрируя, как этой цели служили наиболее значительные из их картин на исторические сюжеты. Тимоти Уилсон-Смит изучил использование Наполеоном художников, а Кристофер Прендергаст представил детальный анализ картины А.Ж. Гро, изображающей битву под Эйлау.

Но внимание исследователей образов обращено не только на французов. Сэмюэл Земель проанализировал британские представления о Наполеоне, а также формирование британской идентичности через противопоставление наполеоновской Франции. Некоторые историки обращались к изучению влияния войн на культуру Франции и других стран Европы. Саймон Бейнбридж рассмотрел то, какой след оставил Наполеон в воображении Европы XIX столетия, а Филипп Шоу написал «Ватерлоо и воображении романтизма».

Военный опыт

В последние десять лет также наблюдается возрождение интереса к повседневной истории войны применительно и к действующей армии, и к широким слоям населения. Много написано о роли и чувствах человека на войне – его страхах и эмоциях в бою, когда он вынужден долгое время находиться вдали от семьи, испытывая ужасы войны и переживая смерть друзей. В настоящий момент идет большая дискуссия о военной морали и мотивации, о том, что заставляло солдат сражаться, о важности товарищества и чувстве мужества. Это вызвало новый интерес к тому, что солдаты рассказывали о своем опыте и переживаниях в письмах, дневниках и мемуарах. Результатом стало создание такой истории повседневности, которая соотносится также с опытом гражд-

данских лиц, с их потерями и утратами; которая дает возможность показать поведение в условиях войны как женщин, так и мужчин, когда важную роль начинает играть гендерный подход; история, которая использует источники личного происхождения – письма, дневники и военные мемуары.

Такую тенденцию, повторю, можно увидеть в ряде стран, например, в Германии. Я тоже писал о повседневном опыте французских солдат, используя письма и мемуары как основные источники. Армии других стран также изучались с использованием подобного подхода, например, армию Великобритании исследовала Катриона Кеннеди, армии германских государств – Лейтон Джеймс. Карен Хагеманн и Стивен Дудинек впервые обратились к изучению гендерной истории мужчин на войне и солдатской идентичности того периода. Недавно под их редакцией вышел важный сборник статей, участники которого обратились к изучению морали и мотивации в армиях XVIII в. и эпохи Наполеона.

«Русская кампания»

Большинство историков в Великобритании, писавших о «русской кампании» 1812 года, традиционно делали это с французской точки зрения: они прослеживали путь наполеоновских войск из Франции через германские государства и Польшу до границ России. Как правило, они считали эту кампанию катастрофой для французской армии и началом конца Империи. И причину всего этого обычно видели – как, например, автор работы «1812» Адам Замойский, – в непомерных амбициях Наполеона и его непоколебимой решимости навязать Континентальную блокаду всей Европе. Россия в данном случае выступала как второстепенный игрок: главная цель императора заключалась в том, чтобы нанести поражение Великобритании. До недавнего времени намного меньше внимания уделялось русской армии, ее боевым качествам, тактике Кутузова и Барклай де Толли. Причина, несомненно, в том, что число британских специалистов, владеющих русским языком, невелико, и гораздо легче было изучать эту тему с опорой на франкоязычные документы.

Доминик Ливен в Англии, как и Мари-Пьер Рей во Франции, изменил ситуацию, изучив московскую кампанию в основном с российской точки зрения. Его источники взяты главным образом из российских архивов, и потому он предложил несколько иную интерпретацию событий 1812 года. Он утверждает, что Наполеон был разбит в России благодаря превосходству русских в тактике, благодаря выдержке русских пол-

ководцев, а также – что Ливен доказывает вполне убедительно – благодаря преимуществу русских лошадей. Эта книга предлагает новую перспективу рассмотрения кампании, отличную от того, как мы ее понимаем в Великобритании, и хотя Ливен во многих отношениях историк более «русский», чем «британский», его работа, безусловно, заслуживает почетного места в любой дискуссии о британской историографии по Наполеоновским войнам.

Библиография

- Armitage D., Subrahmanyam S. (ed).* The Age of Revolutions in Global Context, 1760–1840. Basingstoke, 2010.
- Bainbridge S.* Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 2005.
- Black J.* European warfare in a global context, 1660–1815. L., 2007.
- Idem.* The Battle of Waterloo. N.Y., 2010.
- Boycott-Brown M.* The Road to Rivoli: Napoleon's First Campaign. L., 2001.
- Broers M.* Europe under Napoleon 1799–1815. L., 1996.
- Idem.* Napoleon's other war : bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010.
- Idem.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814: Cultural Imperialism in a European Context? Basingstoke, 2005.
- Broers M., Hicks P. and Guimerá A. (ed.),* The Napoleonic Empire and the New European Political Culture. Basingstoke, 2012.
- Chickering R., Förster S. (ed.).* War in an Age of Revolution, 1775–1815. Cambridge, 2010.
- Daly G.* Inside Napoleonic France: State and Society in Rouen, 1800–1815. Aldershot, 2001.
- Davis J.A.* Naples and Napoleon: Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford, 2006.
- Dudink S., Hagemann K., Tosh J. (ed),* Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History. Manchester, 2004.
- Duffy M. (ed.)* Parameters of British Naval Power, 1650–1850. Exeter, 1992.
- Dwyer Ph.G.* Napoleon: The Path to Power, 1769–1799. L., 2007.
- Idem. (ed.)* Napoleon and Europe. L., 2001.
- Dwyer Ph.G., Forrest A. (ed.)* Napoleon and his Empire : Europe, 1804–1814. Basingstoke, 2007.
- Ellis G.* The Napoleonic Empire. Basingstoke. 2nd ed. L., 2001.
- Esdaile Ch.* The Spanish Army in the Peninsular War. Manchester, 1988.
- Idem.* Fighting Napoleon: Guerrillas, Bandits and Adventurers in Spain, 1808–1814. New Haven, L., 2004.

- Idem.* The Peninsular War: A New History. L., 2002.
- Idem.* Napoleon's Wars: An International History. L., 2007.
- Forrest A.* Napoleon's Men: the Soldiers of the Revolution and Empire. L., 2002.
- Idem.* Napoleon. L., 2011.
- Idem.* Conscripts and Deserters: the Army and French Society during the Revolution and Empire. N. Y., 1989.
- Forrest A., Hagemann K., Rendall J. (ed.).* Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820. Basingstoke, 2009.
- Forrest A., François E., Hagemann K. (ed.)* War Memories: the Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture. Basingstoke, 2012.
- Fraser R.* Napoleon's Cursed War: Popular Resistance in the Spanish Peninsular War. L., 2008.
- Gates D.* The Napoleonic Wars, 1803–1815. L., 1997.
- Hagemann K., Mettele G., Rendall J. (ed.).* Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1775–1830. Basingstoke, 2010.
- Hazareesingh S.* The Legend of Napoleon. L., 2004.
- James L.S.* Witnessing War: Experience, Narrative and Identity in German Central Europe, 1792–1815. Basingstoke, 2013.
- Kennedy C.* Narratives of War: Military and Civilian Experience in Britain and Ireland, 1793–1815. Basingstoke, 2013.
- Kennedy C., McCormack M. (ed.).* Soldiering in Britain and Ireland, 1750–1850. Basingstoke, 2012.
- Lieven D.* Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814 L., 2009.
- Linch K.* Britain and Wellington's Army: Recruitment, Society and Tradition, 1807–1815. Basingstoke, 2011.
- McCormack M.* The Independent Man: Citizenship and gender politics in Georgian England. Manchester, 2007.
- Muir R.* Britain and the Defeat of Napoleon, 1807–1815. New Haven, L., 1996.
- Idem.* Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, L., 1998.
- Idem.* Salamanca, 1812. New Haven, L., 2001.
- Prendergast Ch.* Napoleon and History Painting: Antoine-Jean Gros's La Bataille d'Eylau. Oxford, 1997.
- Rowe M.* From Reich to state: the Rhineland in the revolutionary age, 1780–1830. Cambridge, 2003.
- Idem. (ed.).* Collaboration and resistance in Napoleonic Europe : state formation in an age of upheaval, c. 1800–1815. Basingstoke, 2003.
- Semmel S.* Napoleon and the British. New Haven, L., 2004.
- Shaw Ph.* Waterloo and the Romantic Imagination. Basingstoke, 2002.

Simms B. The Impact of Napoleon: Prussian high politics, foreign policy and the crisis of the executive, 1797–1806. Cambridge, 1997.

Telp Cl. The Evolution of Operational Art, 1740–1813: from Frederick the Great to Napoleon. L., 2005.

Wilson-Smith T. Napoleon and His Artists. L., 1996.

Woolf S. Napoleon's Integration of Europe. L., 1991.

Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004.

*Э.М. Вовси*⁵⁴

**«ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ»:
ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН**

Основной моей целью здесь является обновление знаний российской научной общественности о деятельности ее заокеанских коллег и о тех переменах, что произошли за последнее десятилетие в научной мысли США в области изучения Наполеоновской эпохи 1800–1815 гг. Для того чтобы расставить акценты и показать взаимосвязь между различными направлениями, я группирую материал по тематическому, а не хронологическому принципу.

Начало планомерного изучения на североамериканском континенте наполеоновской истории связано с двумя основными работами. Это исследование Овена Коннели⁵⁵, призванное некоторым образом дополнить известный труд британского историка Давида Чандлера «Кампании Наполеона» (*The Campaigns of Napoleon*, 1964), и увесистый том бывшего преподавателя военной академии в Вест-Пойнте Джона Р. Элтинга⁵⁶.

Работы Элтинга и Коннели, для которых характерно преклонение перед гением Наполеона, восхваление его Великой армии и побед над коалициями европейских монархов, долгое время являлись основой для других исторических исследований и, в определенной степени, ориентиром для многих историков последующего поколения. Так, рабо-

⁵⁴ Эман М. Вовси, адъюнкт-профессор Института Наполеона и Французской революции Государственного университета Флориды.

⁵⁵ *Connelly O.* Blundering to glory: Napoleon's military campaigns. Wilmington, 1987; 2nd ed. – 1999, 3rd ed. – 2006.

⁵⁶ *Elting J.* Swords Around a Throne: Napoléon's Grande Armée. N. Y., 1988; 2nd ed. – 1997.

та Роберта Эпштейна, профессора Школы военных исследований, «Последняя победа Наполеона и начало современных войн» рассматривает исключительно военные операции на Дунае 1809 г. против Австрии⁵⁷. В том же ключе военной истории выдержана и книга Скота Боудена «Наполеон и Аустерлиц», повествующая на основе обширного архивного материала о победе французского полководца в «Битве трех императоров» 1805 г. В отличие от других названных здесь работ, посвященных в основном действиям французского императора, работа Боудена вполне объективно описывает и действия участников Третьей антифранцузской коалиции⁵⁸.

Весьма оригинальной, с точки зрения новизны постановки проблемы, стала статья профессора Университета Хай-Пойнт (Северная Каролина), Фридриха Шнида «Руководство французской армии» (1999)⁵⁹. В работе повествуется о сложных внутренних проблемах высшего командного звена на последнем этапе «русской кампании» с декабря 1812 по март 1813 г. Основная идея Шнида состоит в том, что после отъезда Наполеона из Великой армии в конце 1812 г. ни один из его подчиненных не сумел его заменить, ибо не мог соперничать с ним по уровню харизматичности. Отметим здесь также две другие интересные работы – монографию все того же Шнида «Завоевание Наполеоном Европы: война против Третьей коалиции» и первый том книги Майкла Лежьера, преподавателя университета Техаса, «Падение Наполеона: вторжение союзников во Францию 1813–1814 гг.» (2007)⁶⁰. Напротив, книга бывшего артиллерийского офицера армии США Кевина Кили «Это были титаны» (2007), излагающая биографии более 50 наполеоновских генералов и ход сражений 1800–1815 гг., в которых они участвовали, повторяет в известной степени сведения из работы Элтинга и общедоступных биографических справочников, не привнося в историческую науку ничего существенно нового⁶¹.

Одним из первых – и примерно в то же время, когда были опубликованы книги Элтинга и Коннели, – к изучению социальной истории чело-

⁵⁷ Epstein R. Napoleon's Last Victory and the Emergence of Modern War. Kansas, 1995.

⁵⁸ Bowden S. Napoleon and Austerlitz. Chicago, 1997.

⁵⁹ Schneid F. The dynamics of defeat: French army leadership, December 1812 – March 1813 // The Journal of Military History. 1999. N 63 January. P. 7–28. В своей статье автор использовал наиболее полное собрание переписки Евгения Богарне, хранящееся в архиве Принстонского университета.

⁶⁰ Schneid F. Napoleon's Conquest of Europe: The War of the Third Coalition. Cambridge, 2007; Leggiere M. The Fall of Napoleon: The Allied Invasion of France, 1813–1814. Vol. I. Cambridge, 2007.

⁶¹ Kiley K. Once There Were Titans: Napoleon's Generals and Their Battles, 1800–1815. L., 2007.

века на войне обратился преподаватель университета Иллинойса Джон Линн. В статье «Лицом к чести: моральная эволюция французской армии» (1989)⁶² он, полемизируя с Коннели, показал, как Наполеон превратил республиканскую армию солдат-граждан, служивших принципам свободы и равенства, в армию, служившую исключительно чести. Император французов, который видел в верности долгу краеугольный камень своего режима, укреплял культ чести системой символов и материальных благ, щедро наделяя достойных наградами, титулами, продвижением по службе и почетными пенсиями.

Два десятилетия спустя идеи Линна развил его ученик Майкл Хьюз. В недавно вышедшей книге «Создание Великой армии Наполеона»⁶³ он проанализировал основные параметры, определявшие мотивацию французских солдат и офицеров и составлявшие неотъемлемую часть военной культуры наполеоновской Франции 1800–1808 гг. – честь, патриотизм, мужественность (*masculinity*) и воинский дух, преданность Наполеону, а также исследовал средства принуждения, применявшиеся в армии. Наряду с понятиями чести автор исследовал и представление французского солдата о славе, являвшихся неотъемлемой частью *esprit du corps* и поддерживавших корпоративный дух в среде наполеоновских ветеранов даже после падения их кумира.

К этой же группе исследований относится и книга Брайана Мартина, «Боевое братство, дружба и интим в наполеоновскую эпоху» (2011)⁶⁴. Автор исследовал то, как знаменитый революционный лозунг «Свобода, равенство, братство!» определял меры, направленные на укрепление морального и боевого духа французской армии, основанного, в частности, на братской дружбе однополчан, что, по мнению автора, способствовало упрочению товарищеских уз в годину тяжелых испытаний.

Теме присутствия прекрасного пола на войне посвящена работа Томаса Кардозы «Неустрасимые женщины французских армий» (2010)⁶⁵, основанная на комплексном анализе документов движения за права женщин, начиная с эпохи Старого порядка, Революционных и Наполеоновских войн 1792–1815 гг. и до начала Первой мировой войны 1914

⁶² *Lynn J.* Toward an Army of Honor: the Moral Evolution of the French Army, 1789–1815 // *French Historical Studies*. 1989. Vol. 16. № 1. P. 152–182.

⁶³ *Hughes M.* Forging Napoleon's Grande Armée. N.Y., 2012.

⁶⁴ *Martin B.* Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. New Hampshire, 2011.

⁶⁵ *Cardoza T.* Intrepid Women: *cantinierès* and *vivandierès* of the French army. Indianapolis, 2010.

г., равно как и их противников. К этой же категории можно отнести и новую работу Дж. Линна «Женщины, армии и война в Европе в начале Нового времени» (2008)⁶⁶. В своем труде автор повествует в основном, о наемных армиях периода «экономики добычи и грабежа» XVI – начала XVII в., но в заключение указывает на постепенное увеличение роли женщин и семьи во многих сферах ратного труда эпохи Просвещения и Революционных войн.

Своеобразной «сменой вех» для американской историографии явилась работа Дэвида А. Белла, профессора университета им. Джона Хопкинса, «Первая тотальная война»⁶⁷. Выдвинув тезис о том, что Наполеоновские войны стали прообразом тотальной войны в ее современном понимании, Белл подкрепил его исследованием темы на макрополитическом и культурном уровнях. Автор показал, как между серединой XVIII и началом XIX вв. менялось представление французов о войне и военных конфликтах, восприятие роли армии в государстве, отношения между солдатами и гражданским населением, возрастала милитаризация общества, менялась эстетика войны, отношение между войной и политикой – все то, что можно обозначить сегодня широким термином «война как культурный феномен». Белл акцентирует внимание на том, как через изучение и осмысление войн прошлого можно понять происходящие в современном мире конфликты, близкие американскому читателю.

Вступив в полемику с Беллом, профессор университета Северной Каролины Карен Хагеманн не поддержала его тезис о том, что во время «тотальной войны» произошло, в частности, разделение между гражданским и военным обществом. В статье «Сражение при Лейпциге и опыт восприятия войны гражданским населением»⁶⁸ Хагеманн, будучи специалистом по истории Германии, показала, что, во всяком случае, в Центральной Европе имела место обратная тенденция. По ее мнению, сегодня историки должны переориентироваться на изучение восприятия войны городским и сельским населением, образованной элитой и неграмотными крестьянами, людьми различных сословий, вероисповеданий и семейного положения, чтобы создать более полную картину военных конфликтов Наполеоновской эпохи, затронувших почти все слои населения.

⁶⁶ Lynn J. *Women, Armies, and Warfare in Early Modern Europe*. Cambridge University Press, 2008.

⁶⁷ Bell D. *The First Total War*. N. Y., 2007.

⁶⁸ Hagemann K. Unimaginable horror and misery: the Battle of Leipzig in October 1813 in civilian experience and perception // *Soldiers, citizens and civilians: experiences and perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820*. N. Y., 2009.

Эти и другие идеи нашли свое отражение в книге известного историка Питера Парета, бывшего профессора Принстонского университета, «Вызов познания войне»⁶⁹, где автор исследовал развитие военных и гражданских институтов Пруссии и их влияние на социальные и политические изменения в стране после поражения 1806 г., а также рассмотрел роль известного военного теоретика К. Клаузевица, положившего начало исследованию войны как особого научного феномена.

Немалое значение для развития американской историографии имели в свое время военно-теоретические работы А.-А. Жомини, впервые переведенные на английский язык и изданные именно в США⁷⁰. Долгое время труды являлись обязательным пособием для обучения молодых офицеров американской армии. Неудивительно поэтому, что пиетет, который лично Жомини испытывал к Наполеону, наложил определенный отпечаток на изучение истории военного искусства сначала в военных, а потом и в гражданских учебных заведениях США. Упрочению этой тенденции способствовал и созданный в 1996 г. при поддержке Международного Наполеоновского общества Институт Наполеона в университете Флориды. Среди многочисленных докторантов Института было известное количество старших офицеров американских военных академий. Под руководством Дона Ховарда Институт ставил своей задачей создать комплекс исследований просопографического характера, результатом чего стало появление многочисленных диссертаций, посвященных биографиям наполеоновских генералов и маршалов⁷¹.

С приходом в 2006 г. в Институт Наполеона нового директора Рейфа Блауфарба, сторонника исследования темы взаимодействия армии и общества, изменилось представление о том, что же, в сущности, являла собой Наполеоновская эпоха. Новое поколение молодых докторантов во многом отказалось от изучения сугубо военных операций, а сфокусировалось на освещении гендерных, культурных и социальных аспектов истории. Темы, исследуемые сегодня в Институте, весьма разнообраз-

⁶⁹ *Paret P.* The Cognitive Challenge of War: Prussia 1806. Princeton, 2009.

⁷⁰ *Jomini A.-H.* The Art of War / Transl. by G.H. Mendell and W.P. Graighill. Philadelphia, 1862; *Idem.* Life of Napoléon / Transl. by H.W. Halleck. 4 vols. N. Y., 1864.

⁷¹ См., например: *Sigler J.* General Paul Thiébaud, his life and his legacy. PhD diss., Florida State University, 2006; *Bonura M.* The military career of General François-Étienne Kellermann, cavalryman of the Empire. Master thesis, Florida State University, 2006; *Delvaux S.* Witness to glory: Lieutenant-Général Henri-Gatien Bertrand, 1791–1815. PhD diss., Florida State University, 2005; *Johnson K.* Louis-Thomas Villaret de Joyeuse: admiral and colonial administrator. PhD diss. Florida State University, 2006 и многие другие.

ны: это и культивация хлопка во Франции и в Италии с применением наемной рабочей силы; белые «революционеры» эпохи восстания рабов на Санто-Доминго; общественно-религиозные представления американцев о Наполеоне; образование женщин; теория вандализма в век Просвещения и многие другие. Причина этому то, что история США не имеет прямой связи с сугубо военными аспектами наполеоновских кампаний. Затянувшееся участие американской армии в военных действиях на Среднем Востоке также не способствует сегодня популярности военной тематики, тем более 200-летней давности: попытку Белла сравнить «тотальную войну» Наполеоновской эпохи с современной ему войной в Ираке нельзя назвать удачной. С другой стороны, в связи с кризисом в экономике и системе образования соискатели – если только они не являются слушателями военных академий – отдают предпочтение более широким и соответственно более «маркетинговым» темам, по которым потом можно будет создать востребованный у студентов университетский курс или издать монографию.

Сегодня, как никогда ранее, представляется целесообразным создание международных издательских проектов, в которых историки разных стран и академических школ могли бы сотрудничать, поддерживая престиж исторической науки. Как и прежде, налицо острый недостаток источников, затрагивающих аспекты исторической памяти стран участниц антинаполеоновских коалиций, и новый проект американского историка Александра Микаберидзе «Говорят российские свидетели Наполеоновских войн» призван отчасти заполнить эту лауну⁷². Современное академическое сообщество США пытается лавировать в водовороте событий, чтобы говорить с коллегами и студентами XXI века на общедоступном языке Facebook и Twitter, и не жалея сил старается превратить простое линейное повествование о былых походах и битвах в красочное полотно, на котором был бы представлен весь спектр животрепещущих аспектов истории человека – главного действующего лица Наполеоновской эпохи войны и мира.

⁷² «Russian voices of the Napoleonic wars». Осуществляемый при поддержке Грузинского Наполеоновского общества проект уже дал первые результаты – перевод на английский язык мемуаров Ермолова, Кошебу, дневника Павла Пущина и др.

М. Зозая Монтес

**ВОЙНА ЗА СОЗДАНИЕ НАЦИИ?
ИСПАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЙНЫ
НА ПИРЕНЕЯХ 1808–1814 ГГ.**

Вступление: много названий, много смыслов...

1807 год, наполеоновская армия в Испании – французское вторжение. Война охватывает всю страну. Несколько лет – с 1808 по 1814 г. – жестокой борьбы. Ситуация была настолько сложна, что для объяснения ее подлинного смысла понадобится еще немало лет. И хотя мы говорим об одной и той же войне, но она, однако, имеет разные названия. Для Наполеона она была «Испанской войной» (*La guerre de Spagne*), для британцев – «Войной на Полуострове» (*Peninsular war*), а для самих испанцев – «Войной за независимость» или «Войной против французов»⁷³. Это была также «Испанская революция», как ее назвал граф Торено⁷⁴, некогда парламентарий-революционер, а затем – когда в 1830-е гг. будет писать свою книгу⁷⁵ – деятель консервативного политического крыла (модератос⁷⁶).

Различные названия того, что происходило в Испании с 1808 по 1814 г., напоминают нам, что на одну и ту же войну, как отмечает Жозеп Фонтана, имеется множество точек зрения⁷⁷. Все эти названия говорят нам о том образе, который спустя два века отразился в историографии. К какому выводу мы можем прийти в отношении этих наименований? Самое простое значение заключается в том, что все они обозначают войну против другой страны и что благодаря восстанию против французов в Испанию после революции пришли свобода и независимость.

⁷³ См. статью Жозепа Фонтана (Josep Fontana) в каталонском журнале *L'Avenc* (1988. P. 22–25); *Moliner Prada A. La Guerra de La Independencia en Espana (1808-1814)*. Alella, 2007.

⁷⁴ Кейпо де Льяно Руис де Саравия (Queipo de Llano Ruiz de Saravia) Хосе Мария (1786–1843), граф Торено, испанский политический деятель и историк. Умеренный либерал. Участник революций 1808–1814, 1820–1823, 1834–1843 гг. В 1835 г. премьер-министр. В 1814–1819, 1822–1832 гг. и с 1840 г. – в эмиграции. Автор «Истории восстания, войны и революции в Испании», освещающей борьбу испанского народа против французских захватчиков (*Примеч. перев.*).

⁷⁵ *Toreno, conde de (José María Queipo de Llano)*. Historia del Levantamiento, guerra y revolución de España (1807–1814). P., 1838.

⁷⁶ Модератос (*исп.* moderados, буквально — умеренные), испанская партия правых либералов в 1820–1868 гг. (*Примеч. перев.*)

⁷⁷ См.: *L'Avenc*. 1988. P. 22–25.

Но в то же время сама победа воспринималась в разных смыслах, так как одна и та же война во все времена могла соотноситься с разными политическими целями и идеологическими системами: либерализмом, неоабсолютизмом, национализмом, марксизмом... В ходе войны все преследовали собственные интересы⁷⁸. Едва ли все ее участники стремились к формированию в ходе борьбы некой общей идентичности, к всеобщему объединению разнообразных испанских клик и фракций.

Что касается объема имеющихся сочинений, то я должна сказать, что чем больше проходит времени, тем больше появляется исследований о том периоде, и еще больше будет появляться в дальнейшем. Работы на эту тему создавались еще в XIX в. в рамках позитивистской историографической традиции и фокусировали внимание на войне и сражениях. К концу XIX в. наиболее многочисленными стали исследования в жанре социальной истории. Но даже в 1988 г. Ж. Фонтана отмечал, что хотя стал доступен огромный объем информации о событиях войны, мы многого еще не знаем. В наше время в связи с празднованием ее двухсотлетия вышло множество публикаций на эту тему, предлагающих новые взгляды, но я опасаясь, что и они не заполнят многие бреши в наших представлениях об «эпохе перемен».

1808–1814 гг.: историописание времен Войны

В 1807 г. Испания и Франция приняли решение о вторжении в Португалию. По договору, подписанному в Фонтенбло, наполеоновская армия вступила в Испанию с тем, чтобы оккупировать Португалию. Фактически французы вторглись в страну, которая была их союзницей. Тогда испанский народ поднялся на борьбу с ними⁷⁹. Как военные, так и гражданские объединили свои силы с тем, чтобы сражаться против наполеоновской армии и ее испанских союзников, ставших друзьями французов (так называемыми *afrancesados* – «офранцузенными») или являвшимися представителями той части элиты, которая просто следовала союзу, заключенному Фердинандом VII и Наполеоном, и стремилась к выполнению официальных договоров 1807 и 1808 гг.

В мае 1808 г. жители Мадрида взяли за оружие и подняли его против солдат Наполеона. Хотя это восстание потерпело поражение, что

⁷⁸ Moreno Alonso M. La guerra de la Independencia. La bibliografía del bicentenario // Historia Social. 2009. № 64. P. 148.

⁷⁹ Краткое изложение исторических фактов см.: Esdaile C. The Peninsular War, a new History. N.Y., 2003. P. 25–36.

великолепно отразил в своем «Расстреле 2-го мая»⁸⁰ Ф. Гойя, многие испанцы последовали примеру его участников – в Валенсии, Сарагосе, Каталонии и т.д. Там были созданы правительственные органы, своего рода неофициальные правительства (так называемые «хунты») и центральный правительственный орган (так называемая «Центральная Хунта»), который координировал деятельность первых и руководил страной в борьбе против Наполеона и «офранцузенных». Испанский народ вступил в борьбу, которую вел в чрезвычайно жестоких и диких формах, кипя чувством ненависти к французам, и в этой атмосфере родилось немало героических эпизодов (как считают сами испанцы). Было одержано несколько побед, которые укрепили в испанцах чувство гордости: Байлен (1808), Талавера (1809), Альбуэра (1811), Арапилья (1812). Более того, благодаря размаху партизанских действий ситуация воспринималась в романтическом ключе, как своего рода «Нация, взявшаяся за оружие», чьи действия нанесли огромный ущерб силам вторжения⁸¹. Та манера, с которой испанский народ сражался, будучи плохо вооруженным, заставила Наполеона записать в своих бумагах: «L'Espagne est grande»⁸².

В течение указанного периода Кортесы 1812 г. и выработанная ими либеральная Конституция также сыграли весьма важную роль в рождении нации, склонной к либерализму⁸³. Конституция 1812 г. превратила испанских рыцарей в граждан. Можно было бы предположить, что ее написали испанцы из простонародья, но в действительности, ее авторами были представители элиты, новой буржуазии и групп интеллектуалов («elites mesocráticas»), церковнослужителей и даже некоторых нетитулованных особ, посвятивших себя политике. Текст Конституции был рожден новым обществом, в центре внимания которого вскоре окажутся проблемы формирования основ либерализ-

⁸⁰ Автор, вероятно, имеет в виду не картину Ф. Гойи «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» (El dos de mayo de 1808 en Madrid), а картину «Третье мая 1808 года в Мадриде» (El tres de mayo de 1808 en Madrid), которую нередко называют «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» (Примеч. перев.).

⁸¹ Эта идея нашла подтверждение в работах Исдейла, глубоко изучившего данный феномен: *Esdaile C. Fighting Napoleón: Guerrillas, Bandits and Adventurers in Spain*. Yale, 2004.

⁸² «Испания – великая» (Примеч. пер.). Сам факт того, что это вынесено на обложку книги с письмами Наполеона из Испании, косвенно говорит нам о значении Испании, в данном случае региона Кастилия и Леон, где эта книга была опубликована. В этом издании говорится, что годы войны между Наполеоном и Испанией (1808–1809) стали решающими для истории всей Европы: *García Sánchez J. "L'Espagne est grande". Cartas de Napoleón Bonaparte desde Castilla y León*. Valladolid, 2008.

⁸³ *Pérez Garzón J. S. Las Cortes de Cádiz. El nacimiento de la nación liberal (1808–1812)*. Madrid, 2007.

ма и которое станет главной силой в борьбе с абсолютизмом и Старым порядком. Это была «законная конституция» «молодой нации». Впоследствии данный правовой акт будет считаться началом Современной испанской истории. Позже, в XX столетии, Конституция 1812 г. будет восприниматься исторической памятью как некая модель (или как пример) для всех латиноамериканских конституций и конституций значительной части Европы. Следовательно, этот правовой документ является важным составным элементом современной Европы и ее политической культуры.

В исторических источниках, относящихся к этому периоду (а каждая страна вела свои «наполеоновские» хроники), война изображалась так, как будто против французов боролась вся нация. Нация изображалась сплоченной группой, воюющей с врагом. Либеральная (то есть свободная) нация, взявшая в руки оружие, – это нация, защищающая свою свободу. Кроме того, деяния многих малоизвестных героев, несмотря на быстрое окончание этого романтического периода, вспоминались еще в течение столетия. Литераторы, такие как Бенито Перес Гальдос⁸⁴, способствовали формированию романтического образа и созданию коллективного представления о героях, защищающих нацию⁸⁵. Сформировалась нация, которая воспринимала свою идентичность через факт того, что она боролась против «другого», против врага, который выступил в образе французов.

1814–1833 гг.: нация против врага

После 1814 г. в течение почти двух десятилетий проводилась официальная политика, направленная на то, чтобы утвердить мнение, будто патриоты вели войну именно против французов и что в этом великолепном патриотическом союзе не было места мошенничеству или обману. Я думаю, будет правильным сказать, что после войны проводилась официальная политика по «конструированию» врага.

Как только война закончилась, теперь уже другие государственные деятели начали вносить свой вклад в «подтверждение» образа француза как врага (это помогало определиться с идентификацией испанцев и с «конструированием» их общей родины). Именно таковым было отношение к войне Фердинанда VII и парламента после того, как король

⁸⁴ Перес Гальдос, Бенито (1843 – 1920), крупнейший испанский писатель и драматург, представитель критического реализма. Часто обращался в своем творчестве к событиям национальной истории начала XIX в. (*Примеч. перев.*)

⁸⁵ См. его романы «Трафальгар», «Второе мая», «Национальные эпизоды».

вернулся в страну в 1814 г. Было заявлено о необходимости создания такой истории, которая отражала бы борьбу против французского ига⁸⁶. Была сделана попытка стереть из памяти факт официальных союзов с Францией, в которые Испания вступила в 1807 и 1808 гг.: утверждалось, что таковые были ни чем иным, как «нечестной игрой» с единственной целью опорочить короля. Чтобы легитимизировать Фердинанда VII в глазах масс, создается образ похищенного короля, которого эти массы назвали «желанным» и который был предан Наполеоном Бонапартом. Король сделал все, что мог, дабы стереть память о союзах, которые он заключил с французским государством, чтобы «обменять» Испанию на пенсию и другие привилегии, способные обеспечить ему комфортную «отставку»⁸⁷. Эта попытка «забыть» о договорах с Францией была направлена на то, чтобы косвенным образом укрепить чувство патриотизма.

Государственная политика признания военных заслуг, проводимая после 1814 г., осуществлялась по той же схеме⁸⁸. Это привело к удалению из коллективной памяти любой формы дружбы с французами. Так было в случае с испанскими солдатами, которые хотели продолжать служить в испанской армии после войны. Они вынуждены были доказывать, что являлись ветеранами войны против французов. Те, кто, сражаясь в рядах армии Наполеона, оказался военнопленным, были репрессированы и изгнаны из армии после своего возвращения в Испанию. В большинстве случаев это было просто сделать, поскольку они подозревались в том, что были заражены либеральными идеями из-за своей близости к французам⁸⁹.

⁸⁶ Подробности этой темы прекрасно изложены в следующем издании: *Hocquelllet R. Una experiència complexa. La guerra de la independència a través de la trajectòria de alguns dels seus actors // Sombras de mayo. Mitos y memorias de la Guerra de la Independencia en España (1808–1908)*, Madrid, 2007. P. 41–59.

⁸⁷ См. работы Хосе Марии Портильо. Как ни парадоксально, но несмотря на то, что теоретически за двести лет должна была бы появиться обширная историография, версия, представленная нами, все еще преобладает в Испании нашего времени.

Хосе Мария Портильо Вальдес (José María Portillo Valdés), известный современный историк из Университета Страны Басков, автор ряда работ по истории Испании конца XVIII – начала XIX в. (*Примеч. перев.*)

⁸⁸ *Zozaya Montes M. Entre la esfera privada y la luz pública. La acción de las vicisitudes conmemorativas en la publicación del diario de un ingeniero, 1808–1914–2012 // Comunicación Congreso Doceañista, Dos siglos llaman a la puerta. Cádiz: Universidad, 19–21 marzo 2012.*

⁸⁹ *Reflet de la prison. Mémoires d'une captivité en France (1808–1814) // Construcció i projecció de la memòria personal a l'època moderna. Org.: Institut d'Estudis Catalans, EHEHI – Casa de Velázquez, Universitat Autònoma de Barcelona, 10–12 Nov. 2011.*

1833–1900 гг.: период либерализма и парламентарного строя

С 1833 г., когда умер Фердинанд VII, и после периода борьбы за власть Изабелла II в 1841 г. стала королевой Испании. Вследствие Славной либеральной революции⁹⁰ и периода «массовой демократии» (1868–1874)⁹¹, ее сын Альфонс XII наследовал королевскую власть (1875–1885). Затем до 1920-х гг. правил его сын Альфонс XIII⁹². В течение этого периода – периода псевдо-парламентарных монархий – историописание следовало прежней тенденции утверждения величия испанского народа в войне и важности вклада именно Испании в общеевропейскую победу над Наполеоном. Кризис идентичности 1898 г. был, вероятно, очень важен для переоценки славного прошлого страны эпохи Пиренейской войны и в плане поиска новой идентичности⁹³.

В либеральной историографии война против французов занимала весьма заметное место. Наметился также консенсус в отношении того, что первый период Нового времени в истории Испании пришелся на эпоху между 1808 и 1898 гг. Тот момент, когда началась война, стал считаться началом Новой истории Испании или «Современной истории» (*Historia Contemporánea*), как стали ее называть последующие историки. Война стала восприниматься как событие, открывшее дверь либерализму, привнесенному Конституцией 1812 года. Так, когда в 1820 г. началась Либеральная революция Рафаэля дель Риэго⁹⁴, он провозгласил свободы, уходящие корнями в конституционный период 1812 г. Равным образом, когда Испания приняла первую Королевскую хартию (*Carta Otorgada*, 1834) или Конституцию 1837 г., политики вспоминали тот же самый период сотворения либерализма. Да, там были корни, но, по моему мнению, иногда такие отсылки использовались, как в только что упомянутых примерах, для легитимации достаточно консервативных институтов.

Что касается историографии самой войны 1808–1814 гг., то ее внимание в XIX в. фокусировалось в основном на военных проблемах, сражениях, вопросах стратегии. В обращении с материалом доминирова-

⁹⁰ В испанской традиции Славной революцией именуется государственный переворот 1868 г., который привел к отстранению от власти Изабеллы II (*Примеч. перев.*).

⁹¹ Здесь имеется в виду Пятая испанская революция 1868–1874 гг. (*Примеч. перев.*)

⁹² *Palacio Atard V. Edad Contemporánea I (1808–1908)*. Madrid, 1988.

⁹³ *Álvarez Junco J. Mater Dolorosa*. Santillana, 2001.

⁹⁴ Период Либеральной революции, так называемый *Trienio* (Трехлетие), закончился в 1823 г., когда в результате французской интервенции в Испанию вторглось 100 000 «сыновей св. Людовика».

ли позитивистские подходы: обсуждались вопросы датировки событий, деяния крупных персон и героев войны. То были «исторические факты», которые должны были показать, как «всё было в реальности». Никакого внимания особенностям их восприятия или «субъективности» изложения не уделялось. Война описывалась, но не анализировалась. Важным фактором применительно к самой Испании и за ее пределами была «патриотическая реакция», которую заметили даже за рубежом⁹⁵ и которая перебрала мостик к националистическим тенденциям второй половины XIX в.

Хосе Альварес Хунко проанализировал процесс конструирования испанской идентичности в течение XIX в. Он утверждал, что еще до этого периода Испания уже сложилась благодаря католической религии и монархии. Он считал, что эти ценности и символы укрепились в ходе Пиренейской войны и даже получили развитие в соответствии с проявившимися националистическими тенденциями⁹⁶. Он придерживался мнения о том, что Пиренейская война помогла сконструировать национальную идентичность. Я согласна с этой теорией, хотя некоторые консервативные авторы и отрицают ее решительным образом⁹⁷.

1900–1950–1975 гг.: продолжение развития темы главным образом в позитивистской историографии

В течение XX в. сохранялась своего рода предрасположенность общества говорить о нации, родившейся в 1808 г., – нации, которая, по моему мнению, лишь в какой-то степени была создана борьбой против французов. Большинство исторических работ посвящалось тяготам сражений и той поддержке, которую получила монархия. Литература об этом периоде все еще фокусировала внимание на фактах войны, героизме народа и роли военных лидеров⁹⁸. Вообще многие военные стали считаться героями. Позитивистские подходы «конструирования истории» продолжали сохраняться.

По мере приближения столетней годовщины событий наполеоновского времени – между 1900 и 1914 гг. – появилось много книг о той войне и ее героях. Их авторы стремились вспомнить обо всех забытых солдатах

⁹⁵ *Cust E. Annals of the wars of the 19th century. L., 1864. Vol 2. P. 71.* Э. Каст – генерал-лейтенант британской армии.

⁹⁶ *Álvarez Junco J. Op. cit.*

⁹⁷ *Morales Muñoz M. Economía y sociedad en la Malaga del siglo XIX: Aproximación a la historia social del “Sexenio Revolucionario”. Málaga, 1983.*

⁹⁸ *Benavides Moro A. Joaquín Blake, capitán general de los ejércitos. Mallorca, 1954; Diccionario biográfico de la Guerra de la independencia Española. T. 1–3. Madrid, 1944–1952.*

и инженерах, пытались рассказать о самых разных героях, прежде всего об отличившихся на войне своей храбростью⁹⁹. Исследователи воссоздавали их жизненные истории, проникая в тонкости военного прошлого. И так, снова факты и победы (или поражения) в войне... А вот история пребывания испанских солдат в плену, который для многих длился даже дольше, чем сама война (1809–1816), все еще замалчивалась¹⁰⁰.

В течение периода франкистской диктатуры (1939–1975) получила распространение версия о том, что это была война против дьявола и крестовый поход против неверных, что-то похожее на тот образ, с помощью которого Франсиско Франко пытался оправдать войну против республиканцев – тех, кого называли «марксистами», «либералами», «евреями», «коммунистами» и т.д.

В 1950-е гг. вышли две книги Мигеля Артолы, в которых он попытался пересмотреть представления об указанном периоде, сосредоточив внимание на лояльной французам партии – на «офранцузенных». Он исследовал их роль в конструировании современной нации и в создании либерального проекта единого государства (в отличие от консервативной точки зрения, исходившей из того, что это произошло в результате борьбы с французами). Эти публикации оказались очень важными для историографии, ибо автор указал на значительную роль, сыгранную «офранцузенными», о которой до тех пор хранилось молчание. Ко времени выхода этих книг было фактически запрещено говорить о коллаборационизме, так как это могло поставить под вопрос представления об общих национальных ценностях. Артола выявил также роль войны в происхождении Новой истории Испании¹⁰¹.

В 1970-е гг. появилось немало новых публикаций на эту тему. Хотя основная линия на освещение различных сторон войны и ее роли в складывании либеральной нации по-прежнему сохранялась, появились и другие исследования. В этот момент начинается изучение феномена хунт¹⁰², а также экономических вопросов, что можно связать с фактом

⁹⁹ См., например, кн.: *Sala Valdés M. Obelisco Histórico en honor de los gloriosos defensores de Zaragoza en sus dos sitios (1808–1809)*. Zaragoza, 1908; *Riba y García C. Lo que se ha escrito sobre los sitios de Zaragoza. Inventario bibliográfico de fuentes e instrumentos de trabajo para el estudio de su historia*. Zaragoza, 1911.

¹⁰⁰ Думается, это происходило потому, что период пребывания в плену для многих был достаточно благополучным. См.: *Zozaya Montes M. Entre la esfera privada y la luz pública. La acción de las vicisitudes...*

¹⁰¹ *Artola Gallego M. Los afrancesados*, Madrid, 1953; *Idem. Los orígenes de la España Contemporánea*. Madrid, 1959.

¹⁰² См. работы С. Переса Гарсона (Sisinió Pérez Garzón), А. Молинера Прада (Antoni Moliner Prada) и А. Мартинеса де Веласко (Ángel Martínez de Velasco).

воздействия на испанскую историческую науку французской экономической школы Пьера Вилара¹⁰³.

В 1975 г. умер диктатор Франко, упорно сражавшийся с марксистской идеологией. За этим последовало усиление влияния новой французской историографии, воздействие которой хотя и проявлялось ранее, но весьма слабо. Теперь же благодаря свободному поступлению широкого потока информации многое изменилось, но наша историография все еще медленно следовала по открывшейся дороге социальной истории. По моему мнению, собственно социальная история применительно к войне в Испании не смогла в полной мере проявить себя вплоть до 1990-х гг. и даже первого десятилетия 2000-х.

В 1980-е гг. появились новые исследования, связанные с двухсотлетием Французской революции. В то время как французские историки переживали эпоху «третьего поколения» Школы «Анналов»¹⁰⁴, в Испании тоже началась «историографическая модернизация». В этот период вырос интерес исследователей к той роли, которую играли священники и собственно религия, институты управления, простой народ и т. д. Что касается вопроса о роли простого народа Испании, то он может быть соотнесен с ростом популярности марксистской теории и развитием исследований о рабочем классе, а также с интересом к забытым в истории личностям. В 1990-е гг. сфера обсуждаемых проблем значительно расширилась: стали дискутироваться вопросы, связанные с политическими конфликтами, экономическими и даже литературными сюжетами; наряду с этим плодотворно исследовалась история прессы, журналистики, а также интеллектуалов той эпохи. В углубленном изучении этих тем большую роль сыграли некоторые специалисты по истории испанского языка, чего ранее никогда в испанской историографии не наблюдалось.

Я могу сказать, что в эти годы война продолжала оставаться главным объектом при изучении Новой истории, а также главным фактором в процессе конструирования национальной истории. Некоторые из авторов и прежде всего Альварес Хунко¹⁰⁵ предопределили в свое время именно эту линию как главную в интерпретации истории Испании начала XIX в.

¹⁰³ Вилар, Пьер (1906–2003), известный французский специалист по истории Испании (*Примеч. перев.*).

¹⁰⁴ *Dosse F. Le Histoire en Miettes. P., 1985.*

¹⁰⁵ *Álvarez Junco J. Op. cit.* Последующие авторы следуют его теории, как, например, Хавьер Морено Лузон (Javier Moreno Luzón).

2000–2012 гг.: Большой скачок

К 2000 г. демократии в Испании было уже 25 лет. К этому времени любая из тенденций, существующих в историописании, уже могла бы преодолеть те границы, в рамках которых изучалась война с Наполеоном. По моему мнению, наиболее важные тенденции (хотя позитивистская история никогда не исчезала) проявились в изучении социальной истории и в меньшей степени в культурной истории¹⁰⁶. В поле зрения историков оказались многие вопросы. Применительно к испанской войне на Пиренеях это были такие проблемы, как «безымянные массы»¹⁰⁷, женщины в плане гендерных исследований, восприятие и образ «другого»¹⁰⁸, социальность, коллективная память¹⁰⁹, символы свободы, правонарушение и преступление¹¹⁰, мифы¹¹¹ и т.д.

В целом, между 2000 и 2008 гг. различные национальные институты инвестировали огромные деньги в проекты изучения истории Войны за независимость. Каждый год проходят конференции. Многие исследования и конференции получили государственную поддержку; выделяются гранты для поощрения исследований истории войны, Двора и Конституции 1812 г. В 2007 г. были опубликованы несколько неизвестных ранее дневников¹¹², что, по моему мнению, открыло возможность для новых биографических исследований¹¹³. Концерты, на которых ис-

¹⁰⁶ Peiró I. La guerra de la Independencia y sus conmemoraciones (1908, 1958, 2008). Zaragoza, 2008. Hocquelllet R. Una experiencia compleja. La guerra de la independencia a través de la trayectoria de algunos de sus actores // Demange G., Hocquelllet R., Michonneau y Salgues M. (Cords.) Sombras de mayo. Mitos y memorias de la Guerra de la Independencia en España (1808–1908). Madrid, 2007. P. 41–59. В том же издании см.: Fernández Sebastián J. Levantamiento, guerra y revolución. El peso de los orígenes en el liberalismo español. P. 187–200.

¹⁰⁷ Fraser R. Napoleon's cursed war. Spanish popular resistance in the Peninsular War, 1808–1814. Verso, 2008.

¹⁰⁸ Aymes J. R., Fernández Sebastián J. La imagen de Francia en España (1808–1850). UPV-Sorbonne Nouvelle, 1997.

¹⁰⁹ По проблемам коллективной памяти см. работы Х. Фернандеса Себастьяна (Javier Fernández Sebastián).

¹¹⁰ Автор использовала английское выражение *wrong doing*, эквивалентного перевода которому в русском языке нет (Примеч. перев.).

¹¹¹ Ramos Santana A., Romero Ferrer A. (eds), 1808–1812. Los emblemas de la Libertad. Universidad de Cádiz. Cádiz, 2009.

¹¹² Moreno Alonso M., Gómez Imaz M. Memorias de un boticario en la Guerra de la Independencia. Sevilla, 2008; Zozaya M., Román J. M. Guerra y prisión de José María Román durante la guerra de la Independencia. Madrid, 2007.

¹¹³ Новые подходы в «культурной биографистике» мы защищали в докладе (Zozaya Montes M. Qui est Blake? Une biographie, deux personnes, quatre mains. Le manuscrit sur Joaquín Blake. Une analyse textuelle à partir de l'histoire culturelle) на международной конференции: Temporalité et Contextes: Approches Interdisciplinaires entre l'Art, l'Histoire et la Linguistique. Facultad de Filología de la Universidad Complutense, 10–11 de mayo 2012.

полнялась музыка 1812 г., помогли оживить старые и забытые мелодии того периода (я должна сказать, что в театрах были поставлены несколько – только несколько – театральных пьес, написанных на тему Наполеоновского периода в те годы или позднее). Немало было изобретено новых меню, которые ориентировались на традиции 1812 года. В городах появились туристические маршруты по местам Наполеоновских войн с тем, чтобы возродить память о той важной роли, которую играл тот или иной город в этих событиях. Были открыты памятники и мемориальные доски. Прошли многочисленные торжественные мероприятия.

Общая война, единая нация

По моему мнению, все описанные стратегии были направлены на то, чтобы усилить чувство общей Истории, укрепить общую память, дабы испанцы могли сказать, что они – единая нация. Свободная нация появилась благодаря войне, которая сплотила граждан вокруг короля в борьбе против захватчика и которая породила чувство патриотизма. Война за независимость 1808–1814 гг. сейчас стала, говоря словами Пьера Нора¹¹⁴, символическим «местом памяти»: с ее памятниками, двухсотлетним юбилеем, национальными воспоминаниями о Кадисской Конституции, восстании 2 мая 1808 г. в Мадриде, об осадах Сарагосы и всеми мероприятиями муниципального уровня с целью почтить связанные с нею события...

Есть много историков, которые начиная с 1980-х гг. и по наше время продолжают писать об огромном значении этого периода. Многие из них считают его решающим моментом в создании испанской нации¹¹⁵. Хотя я согласна с важностью подобного утверждения, все же думаю, что большинство авторов, продолжающих исследования в этом русле, могут не увидеть подлинного значения войны. Это связано с тем, что они будут продолжать фокусировать внимание на роли войны в конструировании нации, а это само по себе может закрыть возможности подойти к явлению иными путями. Я считаю, что те образы прошлого, которые преобладают и которые освящены двухсотлетней национальной и патриотической традицией, отодвигают в тень многие важные вопросы и не дают возможность даже разглядеть их.

¹¹⁴ *Nora P.* Les lieux de mémoire. P., 1984–1992. 7 vols.

¹¹⁵ Как, например, Морено Алонсо в своих работах. Наиболее полно эта мысль представлена в: Moreno Alonso M. La guerra de la Independencia, La bibliografía del bicentenario // *Historia Social*. № 64. 2009. P. 139.

Наконец, я также должна сказать, что стремление показать, будто французы нанесли гигантский ущерб, все еще остается преобладающим. И лишь немногие исследования дают возможность показать жизнь испанцев и представителей других европейских наций во французском плену в течение четырех или пяти лет. Но именно это дает возможность увидеть «разный опыт», порожденный этой войной: повседневную жизнь пленников¹¹⁶, их дружбу и даже изменения интеллектуального характера, происходившие с заключенными¹¹⁷. Я могу предположить, что в последующие годы, в особенности в период до окончания в 2014 г. мероприятий в связи с двухсотлетним юбилеем войны, появятся новые исследования и пройдут конференции, на которых будут предложены новые ракурсы изучения. Всё это откроет новые широкие перспективы для исследования войны.

В.Н. Земцов

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Отгремели юбилейные фанфары 200-летия Отечественной войны 1812 года... Что же осталось после многочисленных торжеств и мероприятий? Каков своего рода «сухой остаток» от этих празднеств? Насколько продвинулось научное осмысление 1812 года в его широком, общеевропейском и мировом контексте?

Французский коллега, профессор Ж.-Д. Поли, обратил внимание на то, что в отличие от России, где юбилей отмечался на государственном уровне, во Франции преобладало скорее его «неотмечание». По крайней мере, власти Французской Республики не сочли нужным провести каких-либо официальных празднеств. При этом профессор Ж.-Д. Поли сетует, что во Франции все свелось к серии мероприятий научного, научно-популяризаторского и общественного в широком смысле этого слова характера. Между тем сам перечень вышедших из печати исследований (книги М.-П. Рей, Ж.-О. Будона, Ж.-Ж. Брежона и др.), публикация 12-го тома «Общей корреспонденции» Наполеона, посвященного «рус-

¹¹⁶ *Aymes J. R.* La deportation sous le Premier Empire: Les Espagnols en France, 1808–1814. Paris, 1983.

¹¹⁷ *Zozaya M.* «Prisionero en Libertad». Guerra y vivencia de la Revolución española. Cádiz, 2011; *Zozaya M.* Spreading Ideas. Internacional Conference. Cádiz, 2012.

ской кампании», сборника ранее не публиковавшихся воспоминаний французских участников войны «От Немана до Березины», появление ряда специальных номеров научно-популярных исторических журналов, выход нескольких документальных фильмов (в том числе десятисерийной ленты «Наполеон» режиссера Ж.-Л. Моло, восьмая серия которой посвящена 1812 году), проведение множества конференций и т.д. не могут не впечатлять.

В то же время на фоне официозных и полуофициозных мероприятий, проведенных в 2012 г. в России, объем собственно научных достижений оказался весьма невелик. За исключением издания двух энциклопедий «Заграничные походы российской армии 1813–1815 гг.» и «Отечественная война 1812 г. и Освободительный поход русской армии в 1813–1814 гг.», проведения ряда нередко дежурных конференций, выхода на экраны десятка документальных фильмов, часто сделанных по шаблону (сложно даже отличить их друг от друга по названиям: «1812. Первая Отечественная» и «просто» «Первая Отечественная»), и нескольких сомнительного качества игровых кинолент («Уланская баллада», «1812 год», «Ржевский против Наполеона» и пр.), похвастаться, в сущности, нечем. Такое впечатление, что наряду с появлением двух энциклопедий главным событием для российской историографии 1812 года стало издание на русском языке книги британского историка Д. Ливена¹¹⁸ и подготовка к выходу труда французской исследовательницы М.-П. Рей.

И все же полагаем, что юбилейный год должен сыграть, по крайней мере в дальнейшем, заметную роль в развитии отечественной историографии 1812 года. Эта роль будет определяться не количеством и качеством выданной «на гора» научной продукции, но обозначением тех проблем в развитии российской науки, которые благодаря юбилею, стали теперь заметнее. Важную роль в их выявлении, мы уверены, сыграла конференция, проведенная ИВИ РАН и РГГУ в июле 2012 г., и, в частности, состоявшийся в рамках ее «круглый стол», материалы которого публикуются в этом выпуске «Французского ежегодника». Сопоставление подходов к изучению 1812 года в контексте эпохи Наполеоновских войн французских, британских, американских, испанских, польских, украинских и российских историков оказалось весьма и весьма поучительным. И хотя не пришлось услышать «вживую» голоса немецких и итальянских специалистов, общая картина стала достаточно очевидной. Сейчас ясно, что общая направленность исследований наших зарубежных

¹¹⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

коллег характеризуется тремя фундаментальными чертами. Во-первых, взглядом на войну 1812 года как на важнейшее событие эпохи, смысл которого, однако, возможно понять только в контексте более общих всеевропейских и мировых процессов конца XVIII – начала XIX в. Во-вторых, достаточно широким подходом к самой проблематике и методам исследования истории 1812 года, когда наряду с изучением собственно фактологической стороны событий пристальное внимание уделяется «социологии» и «психологии» войны, ее «человеческому измерению», а традиционные позитивистские методы изучения уступают место (но не исчезают полностью!) тому, что сегодня нередко обозначают очень общим термином «междисциплинарные методы» постижения прошлого. В-третьих, определенной интернационализацией не только тематики и исследовательских методов, но и сближением и переплетением научных школ и в целом широким выходом за пределы национальных историографических традиций.

Что же происходит сегодня с историописанием войны 1812 года в России? В этом отношении дерзнем не согласиться с суждениями нашей коллеги Л.Л. Ивченко. Главная проблема, по нашему мнению, заключается отнюдь не в существовании двух «партий» – собственно «историков», занимающихся воссозданием «прошлого таким, каким оно было в действительности», и «историографов», обративших свой взор на методологическую и историографическую составляющие исторического знания. Среди перечисленных Л.Л. Ивченко трех российских исследователей первой «партии» нет никого, кто бы не обращался к историографии изучаемых ими проблем, а их методологическая позиция не была бы ясно прописана (хотя она, по всей видимости, и не совпадает с методологическими подходами их критиков). Более того, сам факт их скрупулезной работы с источником и постоянного расширения используемой ими документальной базы исследований следует только приветствовать. Ставить же им в упрек при быстрой интернационализации исторических знаний частое обращение к документам иностранного происхождения, по меньшей мере странно.

Реальные проблемы изучения Наполеоновских войн в российской исторической науке заключаются, на наш взгляд, совсем в другом. Они связаны прежде всего с сохраняющимся достаточно узконациональным подходом к тематике 1812 года, отсутствием готовности «вписать» его в общеевропейский и общемировой исторический контекст. Именно этот факт, по-видимому, и предопределил громкий успех в России книги

Д. Ливена, который расширил восприятие событий 1812 года, органично связав их с кампаниями 1813 и 1814 гг. Нельзя сказать, что российские историки не предпринимают энергичных усилий в этом направлении (что видно на примере исследований О.В. Соколова¹¹⁹, В.М. Безотосного¹²⁰, В.В. Рогинского¹²¹, публикаций последних лет о Континентальной блокаде, энциклопедий «Заграничные походы российской армии 1813–1815 гг.» и тем более «Отечественная война 1812 г. и Освободительный поход русской армии в 1813–1814 гг.»), но процесс все еще сдерживается. Он сдерживается, во-первых, явной заинтересованностью властных российских структур почти исключительно в патриотической составляющей темы 1812 года, что не может не влиять на тематику исторических исследований и характер издающейся в России литературы; во-вторых, как ни странно, отсутствием ясных представлений о фактологической стороне практически всех событий 1812 года (начиная от первоначальных планов ведения войны и заканчивая судьбой российских военнопленных); в-третьих, в заметном отставании российской исторической науки от общемировых процессов расширения проблемного поля исследований, посвященных военной тематике и используемого при этом методологического инструментария.

Последние два обстоятельства совершенно определенно диктуют необходимость не отказа от событийной истории или, наоборот, явного акцентирования внимания на историографическом осмыслении темы, но органичного их соединения. При этом первый элемент в решении этой задачи требует заметного расширения документальной базы, что явно сдерживается спецификой работы в российских архивах (в особенности при сопоставлении с условиями труда в зарубежных архивохранилищах); второй же элемент требует восприятия историографии не в традиционном, привычном для постсоветского историка варианте, но в русле современных междисциплинарных подходов.

Мы далеки от мысли, что процессы постижения Отечественной войны 1812 г., происходящие на Западе, идеальны, а зарубежные исследователи смогли виртуозно овладеть постмодернистскими методами постижения прошлого, окончательно отрешившись при этом от узко национального взгляда. Отнюдь нет. С конца XX в., наряду с ростом разнообразия методологических подходов и «интернационализацией» тем

¹¹⁹ Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. М., 2012.

¹²⁰ Безотосный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012.

¹²¹ Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805–1815). М., 2012.

проявилось стремление многих авторов к отказу от систематической работы с документом и частичному отказу от работы по воссозданию и уточнению фактологической стороны событий. Преобладает явная погоня, как отмечает американский коллега Э. Вовси, за широкими, «маркетинговыми» темами. Заметное распространение получил поверхностно-беллетризированный взгляд на эпопею 1812 года. Наконец, западные авторы, как правило, имеют слабое представление о достижениях российских исследователей последних двух десятилетий.

В целом, по нашему глубокому убеждению, только соединение результатов деятельности отечественных историков конца XX – начала XXI в. с методологическими и презентационными поисками зарубежных коллег способно в дальнейшем обеспечить изучение событий и самого смысла того, что мы называем «1812 год».